

© 2023 г. П.В. ШЛЫКОВ

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ТУРЦИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, ПОДЧИНЕНИЕ, СДЕРЖИВАНИЕ (2000–2010-е годы)

Шлыков Павел Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; участник научного коллектива проекта «Многофакторный анализ “азиатского поворота” в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)» МГИМО МИД РФ (Москва, Россия).

E-mail: shlykov@mail.ru

Scopus Author ID: 57194032891; ORCID: 0000-0002-0331-430X; Researcher ID: N-3826-2014

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

Аннотация. В статье рассматривается специфика развития гражданского общества в Турции, анализируются модели и механизмы его взаимодействия с государством в условиях укрепления власти Реджепа Эрдогана и Партии справедливости и развития в 2000–2010-е годы. Актуальность исследования обусловлена тем, что в Турции после достаточно продолжительных попыток евроинтеграции наблюдается поиск нового баланса во взаимодействии между государством и гражданским обществом, характеризующийся ростом авторитарных тенденций, исламизации и десекуляризации при сохранении высоких количественных показателей гражданского активизма. Научная новизна исследования заключается в том, что статья восполняет существующий в академической литературе пробел, связанный с тем, что в уже опубликованных туркологических исследованиях при общей констатации активного процесса исламизации и десекуляризации Турции пока что не было представлено комплексного анализа социально-политической трансформации страны за последние два десятилетия с точки зрения взаимодействия государства и институтов гражданского общества. Представленное исследование нацелено на проведение такого анализа. Источниковая база включает обширный пласт материалов по деятельности турецких неправительственных организаций (уставные документы, пресс-коммунике, публикации СМИ), официальные документы и нормативные акты, регулирующие публичную сферу. Основные выводы статьи заключаются в том, что при статистически значимом количественном росте неправительственных организаций (НПО) в Турции в обозначенный хронологический период большинство из них так и не стали агентами дальнейшей европеизации и политической модернизации Турции. Напротив, в ситуации значительной финансовой и организационной поддержки со стороны государства в отношении НПО сохраняющаяся структурная разрозненность турецкого гражданского общества привела к усилению именно тех его элементов, которые были готовы взаимодействовать с политическим режимом, а механизмы внешнего воздействия на НПО (в первую очередь со стороны европейских фондов), наоборот, оказались ограниченными или даже провальными.

Ключевые слова: Турция, ЕС, гражданское общество, кемализм, европеизация, исламизация, политическая модернизация, неправительственные организации, вакфы.

P.V. Shlykov**State and Civil Society in Turkey: Interaction, Submission, Containment (the 2000s and 2010s)**

Pavel Shlykov, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University ; non-resident scholar in the research project "Multifactor analysis of the "Turn to the East" in Russian Foreign Policy (achievements, problems, and prospects)" MGIMO University. (Moscow, Russia). E-mail: shlykov@mail.ru

Scopus Author ID: 57194032891; ORCID: 0000-0002-0331-430X; Researcher ID: N-3826-2014 The research was supported by RSF (project № 19-18-00142).

Abstract. The paper explores the development of civil society in Turkey, analyzes the models and mechanisms of its interaction with the state in the context of power consolidation Recep Erdoğan and his Justice and Development Party undertook in the 2000s and 2010s. After long-lasting and eventually unsuccessful attempts of European integration Turkey embarked upon a search for a new balance in the interaction between the state and civil society, characterized by an increase in authoritarian tendencies, Islamization and de-secularization, which still, nevertheless, coexist with a high level of civic activism. The paper seeks to fill a gap in the academic literature on social and political transformations of modern Turkey which primarily focuses on expanding process of Islamization and de-secularization while the issue of specific interaction between the state and civil society institutions in Turkey generally remains beyond the radar of the scholars. The source base of the research includes a wide range of primary materials on the activities of Turkish non-governmental organizations (statutes, press releases, media publications), official government documents and regulations on civil society activities. The paper argues that despite quantitatively significant growth of non-governmental organizations (NGOs) in Turkey during the 2000s and 2010s most of them have failed to become agents of further Europeanization and political modernization of Turkey. On the contrary, massive financial and institutional support from the government for Turkish NGOs has enhanced the structural fragmentation of Turkish civil society and created large number of influential loyal civil society institutions which were willing to engage with the political regime while the mechanisms of external maintenance of liberal civil society institutions (primarily through the grant programs of European funds) have shown limited efficiency or even failed.

Keywords: Turkey, EU, civil society, Kemalism, Europeanization, Islamization, political modernization, non-governmental organizations, waqfs.

С точки зрения развития гражданского общества Турция является парадоксальным примером. С середины 2000-х годов в стране наблюдаются очевидные тенденции «авторитарного отката» (фактическая монополизация государством медиасферы, преследование политических оппонентов, предвзятость судов), что ожидаемо сделало политический и правовой климат крайне неблагоприятным для развития гражданского общества. При этом базовые статистические показатели гражданской активности (число общественных организаций и многообразие их деятельности) сохранили позитивную динамику. В этом смысле Турция, как и многие другие страны Ближнего Востока¹, демонстрирует изъяны применения на практике концепции гражданского общества как матрицы работающей демократии. При всей своей привлекательности эта концепция сужает понимание как самого феномена гражданского общества, так и особенностей его функционирования в странах с гибридными режимами, где можно наблюдать использование гражданского общества и его институтов не в целях развития демократии, а в качестве инструмента, с помощью которого правящие элиты реализуют новые формы доминирования.

¹ См.: Shlykov P. Non-western model of civil society in the Middle Eastern context: Promises and discontents // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 19. № 2. P. 134–162.

Поэтому для анализа гражданского общества в незападном политическом контексте требуется функциональное или гибридное его определение, синтезирующее концептуальные наработки либерального и критического подходов, постулирующее многообразие институциональных форм и акторов гражданского общества и характеризующее его как сферу одновременно гражданского активизма и интеракции между государством/властью и организованными общественными процессами, в рамках которых соотношение сил определяется потенциалом правящего режима и возможностями противостоящих ему социальных групп². Функциональный подход к данной проблеме имеет ряд эвристических преимуществ. Во-первых, он позволяет выявить корреляцию между характером политического режима в стране и спецификой гражданского активизма, а также степенью оппозиции гражданского общества государству, варьирующейся в странах с гибридными режимами от конфронтации до патрон-клиентских отношений. Во-вторых, он основывается на разнородности гражданского общества, отдельные сегменты которого могут использоваться авторитарными режимами как инструмент собственного упрочения. Наконец, функциональный подход позволяет максимально гибко подходить к определению основных субъектов гражданского общества и уйти от статистического детерминизма в его оценках.

В контексте новейшей истории Турции функциональный подход позволяет выявить как нормативно-правовые, политические, институциональные, так и дискурсивные факторы, которые не только сдерживали развитие гражданского общества, но и трансформировали его, «обезвреживая» и подчиняя сферу гражданской активности интересам правящего режима. Кроме того, такой подход дает возможность зафиксировать дивергенции и показать различные траектории адаптации гражданского общества, выражающиеся в форме диверсификации инструментария гражданской активности, фрагментации гражданского общества или его фактического захвата со стороны государства.

Исторически гражданское общество в Турции отличалось организационной слабостью, невысокой активностью и институциональной зависимостью от государства, которое посредством многочисленных бюрократических процедур и надзорных ведомств старалось жестко контролировать и модерировать гражданскую активность³. Установленный на заре республиканской эры порядок предполагал режим максимального благоприятствования для общественных организаций, продвигающих ценности кемализма или напрямую аффилированных с госорганами, в то время как независимые или критически настроенные к кемалистскому проекту «Новой Турции» общественные объединения подвергались открытым гонениям и лишались источников финансирования⁴. Выстроенный кемалистами фильтр жестко «выбраковывал» ассоциации и общественные движения, которые не вписывались в ценностную матрицу кемалистской идеологии, его жертвой становились даже столь знаковые структуры, как Союз турецких женщин, созданный в 1924 г. при участии супруги Кемаля Ататюрка Латифе и закрытый в 1935 г. из-за не в меру активной, по мнению властей, политической позиции⁵. Специфический взгляд на институты гражданского общества как своеобразный инструмент для

² Buttigieg J.A. The Contemporary Discourse on Civil Society: A Gramscian Critique // *Boundary 2*. 2005. Vol. 32. № 1. P. 33–52.

³ Kubicek P. The European Union and Grassroots Democratization in Turkey // *Turkish Studies*. 2005. Vol. 6. № 3. P. 361–377.

⁴ Aknur M. Democratic Consolidation in Turkey: State, Political Parties, Civil Society, Civil-Military Relations, Socio-Economic Development, EU, Rise of Political Islam and Separatist Kurdish Nationalism. Boca Raton, 2012; Kubicek P. The Earthquake, the European Union and Political Reform in Turkey // *Mediterranean Politics*. 2002. Vol. 7. № 1. P. 1–18.

⁵ Diner Ç., Toktaş Ş. Waves of Feminism in Turkey: Kemalist, Islamist and Kurdish Women's Movements in an Era of Globalization // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2010. Vol. 12. № 1. P. 41–57; Esim S., Cinoğlu D. Women's Organizations in 1990s Turkey: Predicaments and Prospects // *Middle Eastern Studies*. 1999. Vol. 35. № 1. P. 178–188.

реализации государственной политики и национальных интересов глубоко укоренился в политической культуре Турции.

Переход к многопартийной системе в 1946 г., казалось, ослабил практику тотального подавления гражданского общества, зафиксировал принципы соблюдения базовых прав и расширил границы возможной активности, однако уже к середине 1950-х годов, когда политическая напряженность в стране из-за ухудшающегося экономического положения пошла стремительно вверх, все свободы в одночасье были ликвидированы.

Аналогично власти действовали и в 1960-е, и в 1970-е годы, когда весьма значительно выросли общественное недовольство и активность молодежных движений. Традиционный репертуар репрессивных мер включал запреты на любую политическую деятельность и уголовное преследование видных общественных фигур. При этом, как ни парадоксально, власти всегда демонстрировали заинтересованность в развитии гражданского общества. Особенно рельефно это проявилось после переворота 1980 г., когда военная элита решила использовать «правильные» общественные организации для борьбы с левыми и преодоления социального расслоения, стремительно углублявшегося на фоне либеральных реформ. Именно через институты гражданского общества государство внедряло идеологию тюрко-исламского синтеза, нацеленного на консолидацию турецкого общества вокруг религии⁶. Такая модель отношений государства с гражданским обществом — с одной стороны, сдерживания и подавления его независимых субъектов, с другой — финансовой и организационной поддержки структур, прямо или косвенно сотрудничавших с властями, — успешно действовала на протяжении 1990-х годов.

Приход к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР) Реджепа Эрдогана, представляющего новое поколение турецких политиков либерально-консервативных взглядов, первоначально сулил серьезные перемены в модели политического развития страны, равно как и в сфере гражданского общества. Во-первых, ПСР воспринималась как прямая противоположность кемалистскому политическому истеблишменту, доминирование которого в среде бюрократии, армии и в судебной системе стало систематически нивелироваться. Во-вторых, приоритетной задачей правительство ПСР объявило продолжение широкомасштабных реформ в соответствии с Копенгагенскими критериями ЕС в вопросах демократии, соблюдения базовых прав и свобод человека и верховенства закона. Революционные изменения национального законодательства в рамках «пакетных реформ» 2002—2004 гг. стали «наиболее амбициозной программой либерализации за всю республиканскую историю Турции»⁷. Первые годы правления ПСР были с воодушевлением встречены учеными, международным сообществом и турецкими гражданами. Однако по мере наращивания электорального доминирования ПСР на выборах 2004, 2007 и 2011 гг. первоначальный оптимизм сменился серьезной обеспокоенностью дальнейшими перспективами политического развития Турции, поскольку потрясения рубежа 2000—2010-х годов (громкие процессы против представителей военной элиты и видных кемалистов, жестокое подавление общенациональных протестов летом 2013 г., введение цензуры, преследование инакомыслящих) ясно показали, что на смену внедрению норм западной демократии и общеевропейского права пришла ускоренная делиберализация.

В многочисленных публикациях турецких, западных и российских исследователей⁸ анализ общественно-политических трансформаций, проходящих в Турции с 2000-х

⁶ Öktem K. Turkey since 1989: Angry Nation. Nova Scotia, 2011; Kalaycıoğlu E. Turkish Dynamics: Bridge Across Troubled Lands. New York, 2005.

⁷ Kubicek P. Political Conditionality and European Union's Cultivation of Democracy in Turkey // Democratization. 2011. Vol. 18. № 4. P. 910—931.

⁸ См.: Звягельская И.Д., Малышева Д.Б., Наумкин В.В., Ульянов Н.Ю. и др. Современная Турция: тренды развития и значение для России. М., 2019; Кононов В.И., Стегний П.В., Васильев А.Д., Вертяев К.В., Мейер М.С. и др. Турция: новая роль в современном мире. М., 2012; Киреев Н.Г. Исламо-турецкий синтез в государственной идеологии Турции // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке.

годов, в основном сводится к констатации ширящегося процесса исламизации/десекуляризации страны, который отражается и в росте числа мечетей, и распространении школьного религиозного образования, и в законодательном сужении прав женщин⁹. При этом сфера гражданского общества, за исключением гонений на журналистов, остается достаточно мало изученной. Данное исследование нацелено на то, чтобы представить более комплексную картину процессов развития гражданского общества в Турции и тем самым восполнить указанный аналитический пробел.

ПАРАДОКСЫ КОЛИЧЕСТВЕННОГО И КАЧЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ТУРЦИИ

Статистические показатели не всегда способны адекватно отразить реальный уровень развития и характер гражданского общества. На рубеже 1980–1990-х годов в Турции начался рост числа общественных организаций: накануне переворота 1980 г. их насчитывалось чуть более 38 тыс., две трети из которых военные закрыли, а к концу 1990-х годов в стране действовало более 72 тыс. НПО¹⁰. Однако статистика не отражала истинного положения дел: степень влияния этих многочисленных ассоциаций, добровольных сообществ, профсоюзов и т.д. оказалась достаточно мала, а их вклад в развитие публичной сферы незначителен¹¹. Здесь рельефно проявляется фундаментальное отличие нелиберальной модели гражданского общества. Если на Западе для гражданского общества характерна система взаимных формализованных отношений и обязательств, то здесь на первый план выходят неформальные связи и различные формы «реципрокных отношений»¹². Гражданское общество на Ближнем Востоке в целом и в Турции в частности, очевидно, требует гораздо большей степени учета неколичественных показателей, поскольку во многих странах региона оно характеризуется наличием десятков тысяч хорошо заметных в СМИ общественных организаций и многообразных социальных движений, но весьма скромным потенциалом влияния на решения и политику своего правительства¹³.

В 2000-е годы тенденция количественного роста НПО в Турции продолжилась, и к концу 2010-х годов совокупное число действующих общественных организаций превысило 150 тыс.¹⁴ При этом обозначилась и другая тенденция — за 2000–2010-е годы почти 200 тыс. НПО по разным причинам прекратили свое существование¹⁵. Природа амбивалентности численного роста институтов гражданского общества кроется в том, что с середины 2000-х годов в стране наблюдались очевидные тенденции «авторитарного отката», выразившегося в фактической монополизации государством медиасферы, преследовании политических оппонентов, предвзятости судов, что ожидаемо сделало политический и правовой климат крайне неблагоприятным для развития гражданского

2015. № 9. С. 229–240; Ульянов Н.Ю., Иванова И.И., Куреев Н.Г. и др. Возможные сценарии развития Турции до 2050 года // Восточная аналитика. 2013. № 4. С. 25–28.

⁹ Подробнее о научной дискуссии по десекуляризации Турции и ее альтернативных трактовках см.: Shlykov P. The secularization and desecularization nexus in the Turkish context: What is behind? // Politics and Religion Journal. 2019. Vol. 13. № 2. P. 199–236.

¹⁰ Yaşama Dair Vakıf. Verilerle Sivil Toplum Kuruluşları. İstanbul, 2018. S. 48.

¹¹ Beller-Hann I., Hann C. Turkish Region: State, Market and Social Identities on the East Black Sea Coast. Oxford, 2001. P. 92–93.

¹² White J.B. Civic Culture and Islam in Urban Turkey // eds C. Hann, E. Dunn. Civil society: challenging western models. London, 1996. P. 143–144.

¹³ Барановский В.Г., Наумкин В.В. и др. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. М., 2018. С. 212.

¹⁴ TÜSEV. Türkiye’de Sivil Toplum: Bir Dönüm Noktası. İstanbul, 2011; TÜSEV. Monitoring Matrix on Enabling Environment for Civil Society 2019 Turkey Report. İstanbul, 2019 // URL: <https://www.tusev.org.tr/usrfiles/images/MM2019Ingilizce14072020.pdf> (дата обращения: 23.08.2022).

¹⁵ TÜSEV. Monitoring Matrix on Enabling Environment for Civil Society 2019 Turkey Report. İstanbul, 2019.

общества. В то же время базовые статистические показатели гражданской активности (число общественных организаций и многообразие их деятельности) не сократились.

Основные организации гражданского общества (Sivil Toplum Kuruluşları) в стране — ассоциации-дернеки и фонды-вакфы. За годы правления ПСР количество действующих в стране ассоциаций увеличилось вдвое (до 122 тыс. в 2022 г.), а совокупная численность фондов-вакфов возросла на 15% (до 5,4 тыс.)¹⁶. Как и следовало ожидать, сектор ассоциаций расширялся и в первой половине 2000-х годов, когда Анкара активно вела переговоры с Брюсселем о вступлении страны в ЕС, а власти проводили административно-законодательные реформы в соответствии с Копенгагенскими критериями. Однако и после сворачивания переговорного процесса с ЕС в 2005 г. этот процесс не остановился. Продолжился он в 2010-х годах, несмотря на ограничение свобод и «сворачивание демократизации»¹⁷.

Помимо численного роста разнообразных общественных организаций, не прекратившегося даже на фоне репрессий второй половины 2010-х годов, проявилась и другая тенденция — расширение видов их деятельности, организационная и функциональная диверсификация, рождение новых форм гражданской активности, особенно ярко проявившихся после общенациональных протестов «защитников парка Гези» в 2013 г.

Казалось бы, зафиксированный официальной статистикой количественный и качественный рост сферы гражданского общества в Турции 2000–2010-х годов должен был отражать расширение возможностей для гражданского участия или как минимум показывать формирование плюралистической общественно-политической среды. Однако Турция в 2010-е годы давала прямо противоположную картину: многочисленные примеры нарушения свободы слова и массовых собраний, явный отход от принципов правового государства. Последние отчеты международного индекса развития гражданского общества (State of Civil Society report — CIVICUS) характеризовали Турцию как страну, где ситуация с гражданским обществом катастрофическая, ставя ее в один ряд с Венесуэлой и Афганистаном¹⁸. Известные правозащитные организации, Amnesty International, Human Rights Watch, фиксировали «безжалостное и неумолимое» подавление гражданского общества, пресечение деятельности общественных организаций и «крайне репрессивную политику» турецких властей¹⁹.

¹⁶ Официальная статистика управления по взаимодействию с гражданским обществом Министерства внутренних дел Турции. См.: Т.С. İçişleri Bakanlığı Sivil Toplumla İlişkiler Genel Müdürlüğü // URL: <https://www.siviltoplum.gov.tr/> (дата обращения: 30.05.2022).

¹⁷ Seckinelgin H. Social policy and conflict: the Gezi Park–Taksim demonstrations and uses of social policy for reimagining Turkey // Third World Quarterly. 2016. Vol. 37. № 2. P. 264–280; Şen A.F., Şen Y.F. Online environmental activism in Turkey: The case study of “The Right to Water” // Global Bioethics. 2016. Vol. 27. № 1. P. 1–21; Bee C., Chrona S. Youth activists and occupygezi: patterns of social change in public policy and in civic and political activism in Turkey // Turkish Studies. 2017. Vol. 18. № 1. P. 157–181.

¹⁸ CIVICUS. State of civil society report 2021, 2020, 2019, 2018, 2017 // URL: <https://www.civicus.org> (дата обращения: 11.07.2022).

¹⁹ Amnesty International. Turkey: Weathering the Storm: Defending Human Rights in Turkey’s Climate of Fear. 26.04.2018 // URL: <https://www.amnesty.org/download/Documents/EUR4482002018ENGLISH.PDF> (дата обращения: 12.11.2019); Amnesty International. Turkey’s State of Emergency Ended but the Crackdown on Human Rights Continues. 01.02.2019 // URL: <https://www.amnesty.org/download/Documents/EUR4497472019ENGLISH.PDF> (дата обращения: 16.02.2022); Amnesty International. Purged Beyond Return? No Remedy for Turkey’s Dismissed Public Sector Workers. 25. 10.2018 // URL: <https://www.amnesty.org/download/Documents/EUR4492102018ENGLISH.PDF> (дата обращения: 31.03.2022); Human Rights Watch. Silencing Turkey’s Media. The Government’s Deepening Assault on Critical Journalism. 15.12.2016 («аль-Адль ва-ль-ихсан») // URL: <https://www.hrw.org/report/2016/12/15/silencing-turkeys-media/governments-deepening-assault-critical-journalism> (дата обращения: 19.04.2022); Human Rights Watch. World Report 2021 // URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/media_2021/01/2021_hrw_world_report.pdf (дата обращения: 14.01.2022); Human Rights Watch. World Report 2020 // URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/world_report_download/hrw_world_report_2020_0.pdf (дата

Парадокс развития гражданского общества в Турции — отражение принципиальной задачи, вставшей перед режимом Реджепа Эрдогана во второй половине 2000-х годов и заключавшейся в поиске путей структурирования сферы стремительно развивающегося гражданского общества и гражданской активности таким образом, чтобы сделать гражданское общество союзником или подчинить его своим интересам. С подобной проблемой столкнулись многие гибридные политические режимы, совмещающие элементы демократических законов и процедур с авторитарными формами правления²⁰.

Дилемма выстраивания отношений власти с гражданским обществом в условиях конкурентного авторитаризма состоит в необходимости поиска баланса между подавлением и использованием. С одной стороны, гражданское общество таит в себе очевидную опасность, так как в условиях манипуляций с выборами гражданский активизм превращается в единственно возможную форму политической борьбы. С другой — власти необходим диалог с гражданским обществом для эффективного транслирования «официального дискурса» и поддержания своей легитимности на общественном уровне. В условиях конкурентного авторитаризма власть хотя и идет на масштабные нарушения демократических процедур, тем не менее озабочена уровнем общественной поддержки, реализуя известный принцип «гегемонии через согласие», сформулированный М. Хардтом²¹. Поэтому, в отличие от хрестоматийных авторитарных стран, в условиях гибридных режимов власть стремится не к полному подавлению гражданского общества, а использованию его в своих интересах, что ведет к причудливому сочетанию кнута и пряника — подавления и спонсирования гражданского общества. В Турции это нашло выражение в процессе диверсификации гражданской активности и дивергенции гражданского общества. Рестриктивная политика властей подтолкнула оппозиционно настроенные силы к выработке альтернативных форм гражданской активности и протеста. При этом место подвергнутых репрессиям общественных организаций стали стремительно замещать провластные ассоциации-дернеки, что наиболее рельефно проявилось в структурах, занимающихся вопросами семьи, женщин, молодежи и образования — в строгом соответствии с набором ключевых консервативно-националистических ценностей правящей ПСР.

В Турции 2010-х годов власти выработали стратегию взаимоотношений с гражданским обществом, которая выражалась, с одной стороны, в точечных репрессиях против нелояльных активистов и организаций, с другой — в построении альтернативного, максимально лояльного режиму гражданского общества. Для реализации первой части стратегии использовались как правовые механизмы (следуя известной формуле «другим — все, врагам — закон»), так и прямое силовое воздействие в виде шантажа и акций устрашения против главных с точки зрения власти возмутителей спокойствия.

Наладить механизмы сдерживания в правовом поле оказалось несложно. Еще в середине 2000-х годов правительство ПСР, следуя рекомендациям ЕС, инициировало пересмотр законодательства, регулирующего деятельность организаций гражданского общества. Результатом стало принятие новых, более прогрессивных и либеральных по духу законов об ассоциациях-дернеках в 2004 г. и фондах-вакфах в 2008 г. Новые законы отменяли многие прежние запретительные нормы, существенно облегчая работу общественных организаций и их взаимодействие с международными структурами. Все это позитивно сказалось на росте политической активности гражданского общества в

обращения: 20.08.2022); Human Rights Watch. World Report 2019 // URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/world_report_download/hrw_world_report_2019.pdf (дата обращения: 13.05.2022).

²⁰ С середины 2010-х годов политический режим в Турции все чаще характеризуют как «конкурентный авторитаризм», используя введенную С. Левицким дефиницию по отношению к странам, где формально действующие демократические институты используются как средства достижения и осуществления власти, но при этом власти нарушают демократические принципы и законы в таких масштабах, что режим перестает соответствовать минимальным критериям демократии. См.: *Levitsky S., Way L.A. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War. New York, 2010.*

²¹ *Hardt M. The Withering of Civil Society // Social Text. 1995. № 45. P. 31.*

Турции²². Однако в то же время новые законы вводили процедуры государственного контроля за деятельностью НПО — все, начиная от регистрации и проведения коллективных мероприятий до привлечения внешних финансовых ресурсов, превратилось в объект пристального внимания контролирующих органов²³. При этом сами нормы, регулирующие государственный аудит НПО в Турции, стали крайне запутанными и бюрократизированными. По сути, ограничения на свободу ассоциаций были не упразднены, а приняли иные формы. Обременительные бюрократические процедуры регистрации и отчетности, длительность которых «не вписывалась в принятые международные нормы», сдерживали создание новых НПО и ограничивали возможности существующих в привлечении финансирования и взаимодействии с иностранными партнерами²⁴. Более того, гражданский кодекс ставил вне закона НПО, «не отвечающие нормам морали и этики» и оспаривающие «турецкие семейные ценности» или действующие «вопреки национальным интересам» и «угрожающие национальному единству».

В 2010-е годы с ростом числа недовольных политикой правящей ПСР в Турции существующее законодательство дало широкие возможности по подавлению гражданской активности и запрету деятельности нелояльных власти НПО. После общенациональных протестов лета 2013 г. частота использования репрессивных правовых норм в отношении оппозиционных общественных организаций — регулярные внеплановые проверки, штрафы за реальные и мнимые нарушения финансовой отчетности, рейды правоохранительных органов — стала частью повседневной реальности. Путч 2016 г. ознаменовал начало еще более интенсивного давления на независимые сегменты гражданского общества. Помимо ставших привычными методов использования формальных и неформальных ограничений на деятельность НПО, правительство перешло к использованию методов прямых репрессий. Как фиксировали редкие оппозиционные СМИ и отчеты международных правозащитных организаций, получили распространение тотальные запреты на публичные мероприятия критически настроенных к власти активистов или превентивные аресты организаторов массовых мероприятий²⁵. За время действия в стране режима чрезвычайного положения (2016–2018) власти конфисковали имущество нескольких тысяч НПО, многие из которых были ликвидированы даже без формального решения суда. По подсчетам турецких правозащитников, такая участь постигла более 1600 НПО²⁶. Жертвами репрессий стали не только организации, но и известные правозащитники, ученые с активной гражданской позицией²⁷. Распространение получили случаи уголовного преследования за критические посты в социальных сетях²⁸.

²² *Diez T., Agnantopoulos A., Kaliber A.* Turkey, Europeanization and Civil Society: Introduction // *South European Society and Politics*. 2005. Vol. 10. № 1. P. 1–15.

²³ International Center for Not-for-Profit Law. Civic Freedom Monitor. Turkey. 2020 // URL: <https://www.icnl.org/resources/civic-freedom-monitor/turkey> (дата обращения: 22.07.2021).

²⁴ TÜSEV. Monitoring Matrix on Enabling Environment for Civil Society 2019 Turkey Report. İstanbul, 2019; CIVICUS. Unending restrictions on civic freedoms. 02.05.2018 // URL: <https://monitor.civicus.org/updates/2018/05/02/unending-restrictions-civic-freedoms/> (дата обращения: 16.07.2020); TÜSEV. The Civil Society Environment in Turkey 2017 Report. P. 10–20 // URL: https://www.tusev.org.tr/usrfiles/files/Monitoring_Matrix_The_Civil_Society_Environment_in_Turkey_2017_Report.pdf (дата обращения: 11.08.2019).

²⁵ CIVICUS. Unending restrictions on civic freedoms. 02.05.2018.

²⁶ İnsan Hakları Ortak Platformu. 21 Temmuz 2016 – 20 Mart 2018 Olağanüstü Hal Uygulamaları Raporu // URL: http://www.ihd.org.tr/wp-content/uploads/2018/04/Ola%C4%9Fan%C3%BCst%C3%BC-Hal_17042018.pdf (дата обращения: 31.07.2020); İnsan Hakları Ortak Platformu. Olağanüstü Hal Tedbir ve Düzenlemeleri. 31 Ağustos 2017 // URL: <http://www.ihd.org.tr/wp-content/uploads/2017/09/Olaganus-tu-Hal-Tedbir-ve-Duze-nlemeleri-31-A%C4%9Fustos-2017.pdf> (дата обращения: 11.10.2018).

²⁷ *Baser B., Akgönül S., Öztürk A.E.* “Academics for Peace” in Turkey: a case of criminalising dissent and critical thought via counterterrorism policy // *Critical Studies on Terrorism*. 2017. Vol. 10. № 2. P. 274–296.

²⁸ Turkey: Crackdown on Social Media Posts. Detention, Prosecutions Over Criticisms of Turkish Army Actions in Syria // Human Rights Watch. 27.III.2018.

МЕХАНИЗМЫ «ВОСПИТАНИЯ» И ПОДЧИНЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ТУРЦИИ

Вместе с тем политика турецких властей по отношению к гражданскому обществу в 2010-е годы не сводилась только к сдерживанию и репрессиям. Осенью 2013 г. по горячим следам массовых протестов «защитников парка Гези» правительство анонсировало создание общенационального проекта по развитию гражданского общества под патронажем Министерства внутренних дел и с официальной миссией «налаживания организационной и финансовой поддержки сильного гражданского сектора». В рамках этого проекта стали проводиться регулярные международные ярмарки НПО, подбором участников для которых занимались профильные подразделения МВД, чтобы отделить радикалов от «подлинно волонтерских и благотворительных организаций»²⁹. «Гражданская инициатива» правительства ПСР, по сути, стала ответом на самую масштабную в истории страны акцию гражданского неповиновения. Подавив массовые протесты, лейтмотивом которых являлись требования расширения демократии и отказа от принятия авторитарных законов, власти принялись за выработку нового способа взаимодействия с гражданским обществом. Требовалось перехватить инициативу или создать механизмы эффективного поглощения опасной для режима гражданской активности. Для тех, с кем взаимовыгодный диалог не складывался, в арсенале оставались точечные репрессии, инструменты которых в 2010-е годы власти освоили виртуозно.

В отличие от прямого подавления, стратегия подчинения требовала более тонкой работы и создания эффективной системы взаимодействия правительства с гражданским обществом. Работа была организована по двум направлениям: с одной стороны, создание прямо или косвенно зависимых от власти общественных организаций, с другой — поглощение или рейдерский захват существующих НПО, ассоциаций-дернеков, фондов-вакфов и т.д. В первом случае речь шла о создании НПО, в попечительские советы которых вводились люди из ближнего круга президента Эрдогана или члены его семьи. Во втором — о насильственной смене руководства общественных организаций либо привлечении его ключевых функционеров во властные структуры. В результате в Турции быстро стал формироваться внушительный по своим масштабам сектор НПО, который обладал определенной автономией и свободой действий (в подборе активистов, выборе сферы деятельности), но при этом полностью зависел от власти в вопросах финансирования и транслируемого публичного дискурса³⁰. Фактически эта новая формация турецких НПО выступала в качестве инструмента реализации политики правительства, синхронизируя свою деятельность и публичную активность с курсом правящей партии. Основу подобных НПО составили молодежные и женские организации, считающиеся главными реципиентами консервативной идеологии. По своей структуре это были вертикально интегрированные организации, во главе которых стояли либо члены ПСР, либо тесно связанные с партией люди, а вся деятельность на местах — от привлечения активистов до формирования программы действий — строго согласовывалась с руководством³¹.

Помимо информационно-пропагандистской роли, провластные НПО приняли на себя целый ряд структурных и системообразующих функций, направленных на переформатирование отношений власти и гражданского общества. Это выразилось в создании исполнских НПО, по масштабу деятельности, количеству активных членов и модели внутренней организации больше похожих на общества-корпорации.

Провластные НПО, обладая значительными организационными и финансовыми ресурсами, взялись за переформатирование общественной среды и острых социальных

²⁹ 'Çapulcu' gelmesin vay vay // Cumhuriyet, 19.XI.2013.

³⁰ Yabancı B. Populism as the problem child of democracy: the AKP's enduring appeal and the use of meso-level actors // Southeast European and Black Sea Studies. 2016. Vol. 16. № 4. P. 591–617.

³¹ Yabancı B. Turkey's tamed civil society: Containment and appropriation under a competitive authoritarian regime // Journal of Civil Society. 2019. Vol. 15. № 4. P. 285–306.

вопросов в унисон с консервативной программой ПСР. Яркий пример — деятельность основанного в 2014 г. фонда-вакфа турецкой молодежи (*Türkiye Gençlik Vakfı — TÜGVA*). Буквально за полтора года своего существования вакф создал обширную сеть отделений и представительств практически в каждом крупном городе и более чем 250 провинциальных центрах. Вакф включал два десятка профильных подразделений, курирующих наиболее значимые молодежные направления (спорт, образование, СМИ, семейные отношения, женские вопросы), для максимального охвата аудитории, от учащихся средних школ до студентов вузов и молодых специалистов. Помимо Вакфа турецкой молодежи, ставшего самой крупной молодежной организацией в Турции, в стране действуют еще несколько аналогичных консервативных НПО — Вакф служения турецкой молодежи и образованию (*Türkiye Gençlik ve Eğitime Hizmet Vakfı — TÜRGEV*), Вакф Энсар (*Ensar Vakfı*), Вакф распространения знания (*İlim Yauma Vakfı*), обладающих сетью издательских центров, студенческих общежитий, образовательных проектов для молодого поколения в городах каждого ила (провинции) Турции.

Еще одна сфера приоритетной активности провластных НПО — правозащитная деятельность и женские организации. В силу того, что за два года действия режима чрезвычайного положения после путча 2016 г. в Турции свернули свою деятельность многие оппозиционно настроенные и просто независимые феминистские организации, у провластных женских НПО появилась прекрасная возможность заполнить возникший вакуум и расширить масштабы своей деятельности. Власти в свою очередь продемонстрировали готовность поддерживать лояльные женские организации в их стремлении открывать представительства и отделения в разных уголках Турции. Среди других подобных структур преуспела Ассоциация-дернек «Женщины и демократия» (*Kadın ve Demokrasi Derneği — KADEM*). Созданная в 2013 г. со штаб-квартирой в Стамбуле, она стремительно превратилась в одну из самых крупных (без малого 50 отделений по всей стране) и самую широко представленную в медиапространстве феминистскую организацию. В 2010-е годы деятельность KADEM освещали ведущие турецкие СМИ, а представители ассоциации регулярно встречались с крупными чиновниками и вовлекались в выработку общественно значимых проектов и инициатив. Парадоксальным образом заметные в 1990-е и начале 2000-х годов женские организации консервативного толка, в свое время активно боровшиеся за отмену одиозного запрета на ношение мусульманского платка в общественных учреждениях, в 2010-е годы фактически отказались от самостоятельной позиции и приняли роль проводника, пропагандируемого ПСР дискурса на роль женщины как хранительницы семейного очага.

Практика подобного «государственного корпоративизма»³² в отношении гражданского общества означала, что для деятельности независимых от власти общественных организаций создавались всевозможные препятствия в виде требований прохождения долгих и обременительных бюрократических процедур, ограничений на привлечения внешнего финансирования. В конечном итоге это заставляло сужать масштабы деятельности и фокусироваться на ограниченном круге вопросов локального характера, связанных с жизнью конкретного городского округа или районного центра. На фоне маргинализации независимых акторов гражданского общества провластные НПО демонстрировали впечатляющие успехи — их организационная и материально-финансовая база стремительно росла, поддержка правительства и местных властей давала возможность расширять сети сторонников на местах, привлекать новых волонтеров и расширять свое присутствие в разных уголках страны. Они не сталкивались с проблемой забюрократизированности регистрационных и отчетных процедур, а большинство из них даже смогли получить особый правовой статус, позволяющий не платить налоги и не

³² *Heurlin C. Governing Civil Society: The Political Logic of NGO—State Relations Under Dictatorship // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2010. Vol. 21. № 2. P. 220—239.*

отчитываться за частные пожертвования³³. Взамен близкие к власти НПО должны были продвигать и популяризировать выдвинутые ПСР социальные проекты, как, например, идею воспитания «благочестивого» поколения, с которой Эрдоган выступил в 2012 г. В риторике большинства созданных при поддержке правительства молодежных организаций четко просматриваются программные лозунги ПСР о «защите славной истории великих предков», «сильной нации» и «воспитании молодого поколения в духе пиетета к национальным ценностям и исламской морали» — всего, что прочно ассоциируется с идеей построения «Новой Турции». Правящей ПСР лояльные молодежные организации представляются инкубатором «благочестивого поколения», индоктринированного идеями эрдогановской «Новой Турции» и готового принять эстафету в ее реализации.

Провластные молодежные организации также выступают лабораторией по созданию новых форм работы с молодежью, нетрадиционных подходов воздействия на мировоззрение и образ мышления, общественно-политическую позицию и электоральные предпочтения. Для этого используются молодежные лагеря, в которых физическая активность сочетается с идеологической индоктринацией, факультативные программы и мастер-классы, бесплатные летние школы по самому широкому спектру востребованных дисциплин и тематик — от журналистики и общественной дипломатии до языковых курсов и информационных технологий, организуются волонтерские стажировки в международные гуманитарные организации. В деятельности молодежных организаций активное участие принимают профильные ведомства, помощь и содействие идет по линии Министерства образования и Министерства молодежной политики и спорта. При школах создаются «молодежные клубы», проводятся внеклассные занятия и разнообразные культурные программы религиозной направленности — лекции по Корану и Сунне («для постижения истинного ислама из правильных источников»), совместные утренние молитвы и трапезы в месяц Рамадан и даже учебные дискуссии на английском языке по исламской тематике.

Все эти разнообразные программы и мероприятия, организованные с использованием современных педагогических методик, направлены на кропотливую работу по формированию правильных идеологических предпочтений и развитие «турецко-мусульманского самосознания» у молодежи. Нередко такая индоктринация включает в себя элементы антизападной риторики, характерной для публицистических текстов, выходящих на страницах печатных органов таких структур, как Вакф турецкой молодежи, Вакф служения турецкой молодежи и образованию, Вакф Энсар или Вакф распространения знания, — утверждения о еврейском заговоре, притеснении ислама и мусульман Западом, не желающим видеть мусульманские страны влиятельными субъектами нового мирового порядка, или обвинения западных политиков в поддержке террористических организаций³⁴. Социализация молодежи в рамках провластных НПО преследует и еще одну очевидную цель — купировать протестный потенциал молодежи и направить ее активность в конструктивное русло на «созидание идеала “Новой Турции”». В среднесрочной перспективе это также предполагает работу над электоральным поведением и партийно-политическими предпочтениями молодежи. На специальных семинарах, организованных TÜGVA и TÜRGEV в преддверии конституционного референдума 2017 г., парламентских и президентских выборов 2018 г., известные медийные фигуры разъясняли преимуще-

³³ Trends in Turkish Civil Society. Center for American Progress, Istanbul Policy Center, and Istituto Affari Internazionali, 2017 // URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/turkishcivilsociety.pdf> (дата обращения: 18.11.2020).

³⁴ TÜGVA Bülten // URL: <http://tugva.org/kurumsal-yayinlarimiz/> (дата обращения: 20.04.2021); Fikirname Dergisi // URL: <https://fikirnamedergi.com> (дата обращения: 13.05.2021); Ensar Bülten. 2017 Temmuz-Aralık. S. 58–59 // URL: <https://data.ensar.org/yonetim/resimler/dokuman/pdf/50.pdf> (дата обращения: 10.05.18); İlim Yayma Vakfı Bülten // URL: <https://www.iyv.org.tr/tr/yayinlarimiz.html> (дата обращения: 22.07.2021); Vefa. Dergi — Bülten // URL: <https://www.iyv.org.tr/tr/vefa-dergisi.html> (дата обращения: 16.04.2021).

ства суперпрезидентской политической системы и объясняли критику Анкары «нежеланием Запада видеть сильную Турцию», подчеркивая фантомность «либеральных свобод», которые используются исключительно для поддержки боевиков РПК.

Финансовые ресурсы провластных молодежных организаций позволяют им брать на себя реализацию социально-благотворительных программ по всей Турции, компенсируя негативные последствия урезания социальных расходов правительства в 2010-х годах и экспансии частных школ и университетов на фоне ощутимого сокращения числа государственных образовательных учреждений³⁵. Речь идет о спонсорской помощи сотням студенческих общежитий, субсидировании стипендиальных программ в частных школах и университетах по всей Турции. Для многих, кто оказался вовлеченным в круг социальных программ молодежных НПО, это означало не просто «возможность получить качественное образование, но и обрести новый дом», где велись «разъяснительные беседы на самые острополитические темы»³⁶. Приближенные к власти женские организации в целом реализуют схожую модель деятельности. Тесные отношения с государственными органами, доступ к финансовым ресурсам и вовлеченность в работу над общественно значимыми законопроектами дают серьезные лоббистские преимущества. Для одних это возможность вести успешную общественную или предпринимательскую деятельность, для других — доступ к прямой финансовой помощи³⁷.

В своей деятельности провластные НПО четко разделяют турецкое общество на «своих» и «чужих», углубляя существующие социальные расколы. Особенно рельефно это проявляется в избирательной правозащитной активности и искаженных трактовках базовых прав и свобод. Так, провластные женские организации демонстративно воздерживаются от публичной критики правительства даже по резонансным эпизодам насилия и ущемления прав женщин. Они открыто выступают с осуждением феминистской активности как «явления, чуждого Турции в культурном отношении», вторя риторике ПСР о приоритетности семейных, а не общественных ролей для женщины³⁸. Даже в декларируемых целях наиболее крупной женской организации Турции — Ассоциации-дернека «Женщины и демократия» (Kadın ve Demokrasi Derneği — KADEM) — «повышение роли женщины в обществе и семье для воспитания высокоморального нового поколения турок» просматривается известный тезис Эрдогана о «неравенстве мужчины и женщины от природы»³⁹ и соответствующий взгляд на женские права, опирающийся на принципы «гендерной справедливости», в корне противоречащий «гендерному равенству». Поэтому подобные организации остаются в стороне от множавшихся последние годы случаев нападения на женщин в общественных местах из-за «неподобающей одежды» (коротких юбок или шорт), убийств чести, расправ над трансгендерами и других подобных преступлений.

Возможности провластных НПО по формированию благоприятного общественного мнения широко используются правительством, когда встает вопрос о принятии непопулярных законов или проведении неоднозначных реформ. Учитывая подконтрольность СМИ⁴⁰, вместо общественной дискуссии по спорным законопроектам в центральной

³⁵ Shlykov P. The Secularization and Desecularization Nexus in the Turkish Context... P. 199–236.

³⁶ Yabancı B. Turkey's tamed civil society: Containment and appropriation under a competitive authoritarian regime // Journal of Civil Society. 2019. Vol. 15. № 4. P. 285–306.

³⁷ Пример — Ассоциация-дернек «Женщины и демократия» (Kadın ve Demokrasi Derneği — KADEM).

³⁸ Yabancı B. Populism as the problem child of democracy: the AKP's enduring appeal and the use of meso-level actors // Southeast European and Black Sea Studies. 2016. Vol. 16. № 4. P. 591–617.

³⁹ Çelikyay A.E. Kadın Hareketi ve KADEM // KADEM. 07.VI.2015. URL: <https://kadem.org.tr/ay-sel-elbir-celikyay-kadin-hareketi-ve-kadem-i-yazdi/> (дата обращения: 13.11.2018).

⁴⁰ По разным подсчетам, около 95% всех медиа в стране к середине 2010-х годов оказались в руках либо государства, либо бизнесменов из близкого круга президента Эрдогана (Basın Konseyi 2021 Yılı 'Basın Özgürlüğü' Raporu // Basın Konseyi Açıklamaları, 02.I.2022. URL: <https://www.basin-konseyi.org.tr/basin-konseyi-2021-yili-basin-ozgurlugu-raporu/> (дата обращения: 11.01.22)).

прессе разворачивается кампания по разъяснению их положительных сторон, которая сопровождается голосами поддержки со стороны лояльных власти общественных фигур. Еще одна широко распространенная форма помощи правительству со стороны провластных НПО — участие не только в общественном обсуждении, но и разработке новых законопроектов, когда общественная экспертиза подменяется манипулированием общественным мнением. Так, в 2018 г. феминистские организации были взбудоражены инициативой правительства ввести временные ограничения на выплаты алиментов, мотивируя это необходимостью снизить рост бракоразводных процессов, а также, как заявил Эрдоган, «избавить мужчин от рабства бессрочных алиментов»⁴¹. Эксперты и независимые правозащитные организации, в частности Федерация турецких женских ассоциаций (Türkiye Kadın Dernekleri Federasyonu), обращали внимание на негативные последствия поправок в Гражданский кодекс, способных привести лишь к эскалации домашнего насилия. Однако еще до начала полноценной экспертной дискуссии в социальных сетях с подачи общественной организации «Платформа семьи и людей, расторгнувших брак» (Boşanmış İnsanlar ve Aile Platformu — BİA Platformu) началась резонансная кампания против «несправедливости бессрочных алиментов» с открытыми письмами к правительству и президенту. Очень быстро во главе кампании оказалась провластная KADEM, которая во всевозможных СМИ стала продвигать тезис о «серьезном общественном запросе на соответствующие изменения в законодательство»⁴². В результате инициатива общественной дискуссии по теме алиментов была полностью перехвачена провластными НПО, и правительственный проект поправок в Гражданский кодекс был принят, в то время как мнение независимых правозащитных и женских организаций оказалось проигнорировано⁴³.

Результатом деятельности провластных НПО стало создание многоуровневой и разветвленной сети патрон-клиентских отношений, которая пронизывает весь сектор лояльного власти гражданского общества. Из расследования коррупционного скандала декабря 2013 г. вскрылись факты участия таких организаций в масштабных коррупционных схемах. Так, TÜRGEV, в чей попечительский совет входил сын Эрдогана Билал, за период с 2008 по 2012 г. получил более 100 млн долл. пожертвований от турецких и иностранных компаний, которые взамен стали обладателями инсайдерской информации и других преференций по правительственным тендерам⁴⁴.

Провластные НПО получают и прямую финансовую поддержку правительства, большинство реализуемых ими проектов финансируется профильными министерствами и муниципалитетами напрямую или через агентства развития (Kalkınma Ajansı)⁴⁵.

⁴¹ Mağdurlara müjde! 100 günlük icraat programında ‘çocuk haczi’ ve ‘süresiz nafaka’ da var // Yeni Akit, 03.VIII.2018; Erdoğan ‘süresiz nafaka’ ve ‘çocuk icrası’ zulmüyle ilgili müjdeyi verdi! // Yeni Akit. 5.X.2019.

⁴² Bakanlık devreye girdi; ‘süresiz nafaka’ kimler için kalkıyor? “Boşanma, otur evinde” diyorlar” // T24. 16.IV.2018. URL: <https://t24.com.tr/haber/bakanlik-devreye-girdi-suresiz-nafaka-kimler-icin-kalkiyor,606505> (дата обращения: 19.03.2022); Sema Maraşlı: KADEM üzerine dikildiği ayakların altında kalacak // Yeni Akit. 21.VI.2019.

⁴³ Sönmez B. Nafakada yeni politika: Boşanmayın barışın! // Gazete Duvar, 12.X.2018. В 2012 г. турецкие женские общественные организации смогли провалить принятие закона № 6284 «О защите семьи и предотвращении насилия против женщин». Это стало громкой победой феминистского движения, однако с 2013 г. их участие в общественно-политической жизни и реальном процессе выработки новых законов, касающихся семьи и женщин, свелось к минимуму.

⁴⁴ Charity NGO counting Turkish PM’s son as board member received \$99,999,990 in donations: Deputy PM // Hürriyet Daily News. 10.IV.2014.

⁴⁵ В середине 2000-х годов в рамках переговорного процесса с ЕС и реализации требований Копенгагенских критериев в Турции были созданы агентства развития (на 2020 г. их насчитывалось 26), призванные поддерживать инфраструктурные проекты, направленные на сглаживание различий в социально-экономическом развитии и диспропорций в уровне жизни между разными регионами страны. До 2018 г. деятельность этих структур координировало одноименное Министерство развития, затем они были подчинены Министерству промышленности.

Из сообщений СМИ можно судить о серьезных финансово-экономических вливаниях в провластные НПО, исчисляющихся сотнями миллионов долларов⁴⁶. Только от стамбульского муниципалитета в 2015–2017 гг. девять таких организаций получило более 200 млн долл.⁴⁷ Помимо субсидий и грантов, провластные НПО на льготных условиях получают в свое пользование объекты городской недвижимости под офисы, культурно-образовательные учреждения или общежития. Нередко это обставляется в форме дара от правительства, муниципалитета или лично президента как ответ на «просьбу обществу»⁴⁸.

Широкие финансово-экономические и организационные возможности, которыми обладают провластные НПО, способствуют формированию в среде гражданского общества разветвленной системы патрон-клиентских отношений. У волонтеров, особенно это касается молодежных организаций, формируется набор практических ожиданий в виде завязывания полезных связей, перспектив хорошего трудоустройства и т.д. Оказавшись в орбите деятельности провластных НПО, они получают возможность встречаться и взаимодействовать с функционерами правящей партии, известными медийными фигурами, крупными бизнесменами, видными политиками, не говоря уже о «социальном пакете» для выходцев из небогатых семей: льготных местах в общежитиях, стипендии на учебу в университете, участии в образовательных программах.

В результате многочисленные НПО не столько формируют инфраструктуру для реализации гражданских свобод и участия общества в политической жизни страны, сколько служат дополнительным инструментом контроля государства над обществом. В свою очередь государство получает возможность, с одной стороны, использовать неправительственные организации как дополнительный канал контроля общественной активности, с другой — пресекать появление «несистемных» общественных структур, деятельность которых потенциально может угрожать действующей власти или подрывать интересы близких к власти элитных групп.

Одна из отличительных черт гражданского общества в странах Ближнего и Среднего Востока, красной линией проходящая через большинство страноведческих исследований⁴⁹ этого феномена, — органическая связь между институтами гражданского общества и государством, точнее, представителями власти и национальной элиты. Турция не является исключением. Самый хрестоматийный пример такой связи — доминирование действующих и отставных чиновников среди функционеров неправительственных организаций. Они выступают в роли учредителей, входят в состав попечительских и управляющих советов, занимают ключевые посты в руководящих и исполнительных органах значительной части крупных и влиятельных НПО в регионе. Получается, что наиболее влиятельные институты гражданского общества служат укреплению действующего режима власти, а не выдвигают альтернативы существующему социальному, политическому и экономическому порядку.

⁴⁶ *Şahin İ.* İBB hangi vakıf ve derneğe ne kadar yardım yaptı? // *Sözcü*, 23.IX.2019; İBB'den hükümete yakın vakıflara 'yurt kıyağı' // *Yeniçağ*, 05.II.2019.

⁴⁷ İBB, hükümete yakın vakıflara yardım ediyor, kamunun cebinden 800 milyon lira çıkıyor // T24. 19.IX.2017. URL: <https://t24.com.tr/haber/ibb-hukumete-yakin-vakiflara-yarim-ediyor-kamunun-cebin-den-800-milyon-lira-cikiyor,444039> (дата обращения: 13.02.2021).

⁴⁸ Erdoğan'ın hocasına bedelsiz tahsis // *Cumhuriyet*. 16.XII.2016; AKP'li belediyeden Bilal Erdoğan'ın vakfına 10 yıllık peşkeş // *Cumhuriyet*, 14.XII.2016.

⁴⁹ *Norton A.R.* Civil Society in the Middle East. Leiden, 1994; *Wiktorowicz Q.* Civil Society as Social Control: State Power in Jordan // *Comparative Politics*. 2000. Vol. 33. № 1. P. 43–61; *Abdelrahman M.M.* Civil Society Exposed: The Politics of NGOs in Egypt. London, 2004; *Cavatorta F., Durac V.* Civil Society and Democratization in the Arab World: The Dynamics of Activism. Oxford, 2011; *Altan-Olcay Ö., İçduygu A.* Mapping Civil Society in the Middle East: The Cases of Egypt, Lebanon and Turkey // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2012. Vol. 39. № 2. P. 157–179; *Alvarez-Ossorio I.* Civil Society and Political Change in Contemporary Egypt // *The Arab Spring, Civil Society, and Innovative Activism*. New York, 2017. P. 57–80.

Профсоюзы и профессиональные объединения — еще один важный субъект сферы гражданского общества — находятся в прямой экономической зависимости от правительства, что лишает их возможности вступать в конфронтацию с властью в отстаивании своих групповых интересов, а их оппозиционность, по сути, становится в большей степени имитационной.

Очевидно, что в условиях многопланового контроля над институтами гражданского общества, особенно НПО, в шутку именуемых «государственными неправительственными организациями», едва ли можно ожидать, что гражданская активность, зажатая в такие рамки и направляемая «сверху», может способствовать повышению социальной и политической ответственности власти. Скорее наоборот, подобные НПО служат наращиванию влияния правящих элит, которые с их помощью навязывают обществу соответствующий политический и экономический дискурс. Получается замкнутый круг: у простых граждан отсутствуют механизмы воздействия на власть, которая имеет возможность манипулировать институтами гражданского общества.

В таких условиях общенациональные НПО становятся инструментами распространения государственной идеологии и навязывания обществу выгодных власти моделей социально-политического развития. Причем политики нередко публично говорят о НПО как «активных партнерах» власти⁵⁰. И подобный взгляд на НПО как удобный инструмент для решения политических задач — распространения идеологии и управления общественным консенсусом — характерен не только для представителей власти и национальных элит, но и для оппозиционных сил, использующих институты гражданского общества исключительно как инструмент мобилизации общественной поддержки, международных организаций и внерегиональных игроков.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРОЦЕССЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ: ВЗАИМНОЕ БЛАГОПРИЯТСТВОВАНИЕ?

Вместе с тем сфера гражданского общества традиционно вызывает повышенный интерес западных политиков, рассматривающих его как инструмент демократизации ближневосточных стран, представляющих особый геополитический интерес для США и ЕС. Главным выражением растущего интереса к гражданскому обществу в 1990–2000-е годы стала масштабная поддержка местных неправительственных организаций, объяснявшаяся простой логикой: даже при слабом развитии сферы гражданского общества его институционализированная составляющая — т.е. НПО, ассоциации и др. — неизбежно должна была работать на цели преодоления «дефицита демократии»⁵¹. В результате были созданы разнообразные механизмы внешней финансовой поддержки организаций гражданского общества. Параллельно политика поддержки гражданского общества получила и научно-теоретическое обоснование: в 1990-е и 2000-е годы появилась масса книг и статей научного и публицистического характера о роли гражданского общества в политике как катализатора процессов демократизации и либерализации. Все это способствовало ошутимому росту числа НПО, что, как мы видим, отчетливо проявилось в Турции, и расширению диапазона их уставной деятельности. Большинство экспертов приветствовало это и характеризовало как «новую эпоху» в истории ближневосточных стран, ожидая от роста гражданской активности позитивного влияния на социальную ответственность и правосознание власти⁵².

Донорская политика в отношении НПО напрямую увязывалась с конкретными требованиями к финансируемому НПО — каким критериям они должны соответствовать

⁵⁰ Hawthorne A. Middle Eastern Democracy: Is Civil Society the Answer // Carnegie Papers: Middle East Series. 2004. Vol. 44. P. 12.

⁵¹ Kamrava M. The Middle East's Democracy Deficit in Comparative Perspective // Perspectives on Global Development and Technology. 2007. Vol. 6. P. 189–213.

⁵² Kubba L. The Awakening of Civil Society // Journal of Democracy. 2000. Vol. 11. № 3. P. 85–86.

и в чем должны заключаться их приоритетные задачи⁵³. От реципиентов поддержки европейских фондов в Турции ждали приверженности либеральным ценностям и активного участия в либерализации страны для ее вступления в ЕС. Однако мониторинг высказываний представителей турецких НПО, сотрудничавших со структурами ЕС, показал парадоксальную ситуацию. Примерно половина НПО, участвовавших в грантовых проектах ЕС в 2000-е годы, не являлись последовательными сторонниками «европейского пути» Турции, и лишь 4% предусматривали в рамках своих проектов «распространение позитивного знания о ЕС» и «продвижение общеевропейских ценностей»⁵⁴.

Практикуемые ЕС методы реализации потенциала «мягкой силы» в турецком контексте столкнулись с концептуальными и функциональными ограничениями. Невысокий организационный потенциал турецких НПО, значительная часть которых (более 44%) функционировала как паракоммерческие структуры⁵⁵, слабый интерес общества к НПО, малая доля участия в деятельности социально и политически активных НПО (не более 10% населения, из которых лишь 6,7% на добровольных началах)⁵⁶ — все это говорило об отсутствии необходимой инфраструктуры для реализации политики по поддержке гражданского общества в Турции.

В итоге донорская политика в отношении институтов гражданского общества на Ближнем Востоке оказалась уравниванием со многими переменными, в котором апробированные на других странах слагаемые успеха в сумме дают неожиданный результат. Эффект от долгосрочных инвестиций в местные НПО, направленных на коррекцию вектора социально-политического развития в сторону западных норм и ценностей, на практике оказался очень противоречивым. Отчетливо видно на примере таких стран, как Турция, отсутствие прямой корреляции между получением донорской помощи конкретными общественными организациями и их сопричастностью либеральным ценностям — это не только феномен прагматичных НПО, охотно берущих средства от европейских фондов и при этом не склонных полностью поддерживать «европейский выбор», но и показатель ограниченности «мягкой силы» ведущих стран Запада и международных организаций. И эта ограниченность — следствие не только идеализации гражданского общества, но и восприятия его как единого субъекта без учета высокой степени поляризации и сложного переплетения линий разломов внутри него.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ И ФРАГМЕНТАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Манипулирование гражданским обществом как со стороны правящих политических режимов, так и со стороны внешних доноров превращает его в арену противостояния соперничающих политических сил: исламистов и сторонников светских порядков⁵⁷ или между конкурирующими исламскими течениями⁵⁸. Причем эффект внешнего манипулирования гражданским обществом нередко приводит к непредсказуемым последствиям. Так, разделенность гражданского общества по линии отношения к исламу и кемализму, формирование концентрических кругов из разных социальных групп определяют не только концептуальный облик гражданского общества в Турции, но и отношение турецких НПО к политике ЕС. Поэтому и среди грантополучателей по степени под-

⁵³ Yom S. Civil Society and Democratization in the Arab World // Middle East Review of International Affairs. 2005. Vol. 9. № 4. P. 14–33; Altan-Olcay Ö., İçduygu A. Op. cit.

⁵⁴ Zihnioğlu Ö. European Union Civil Society Policy and Turkey: A Bridge Too Far? New York, 2013. P. 50–71.

⁵⁵ TÜSEV. Sivil Toplum İzleme Raporu. 2013–2014. İstanbul, 2015 // URL: https://www.tusev.org.tr/urfiles/files/Izleme_Raporu_2013_2014.pdf (дата обращения: 30.09.2016).

⁵⁶ TÜSEV. Türkiye’de Sivil Toplum: Bir Dönüm Noktası. İstanbul, 2011; TÜSEV. Monitoring Matrix on Enabling Environment for Civil Society 2019 Turkey Report. İstanbul, 2019.

⁵⁷ Cavatorta F., Durac V. Op. cit.

⁵⁸ Altan-Olcay Ö., İçduygu A. Op. cit.

держки процесса евроинтеграции лидируют консервативные силы, которые в сближении Турции с ЕС видят возможность расправиться со своими оппонентами и при этом, как ни парадоксально, сами не стремятся выстраивать тесное партнерство с европейскими структурами ввиду расхождений в ценностных ориентациях.

Поляризация общественных и политических отношений, ставшая одной из отличительных черт современной истории Турции, напрямую отражается на характере связей и взаимоотношений внутри гражданского общества. Естественное объединение неправительственных организаций, преследующих схожие цели, но придерживающихся трудно сводимых политических платформ, становится малопродуктивным либо исключается в принципе — поскольку у этих НПО не получается найти общий язык для осуществления совместной деятельности.

Степень дезинтеграции турецкого гражданского общества, сравнимая с фрагментацией политического спектра, хорошо ощущается на примере ситуации вокруг торговых палат и предпринимательских союзов, которые в принципе должны действовать, руководствуясь логикой экономической рациональности в большей степени, чем политическими пристрастиями. Между тем эти институты успешно служат интересам политических партий — от радикально-правых до ультралевых. Таким образом, экономическая сфера в стране оказывается разделенной по линии культуры и идеологии, что не дает возможности турецким промышленникам и предпринимателям выступать единым фронтом в противостоянии государству и правительству как объединенная влиятельная группа давления, что можно было бы считать гражданским обществом.

Политическая раздробленность гражданского общества⁵⁹ проявляется даже среди организаций по защите прав человека. Хотя, казалось бы, права человека — универсальная категория, преодолевающая идеологические границы. Однако и здесь, как и в случае с торговыми палатами, наблюдается поляризация по политическим предпочтениям. Как показывает практика, при тесном взаимодействии между теми или иными организациями по защите прав человека различия в политических предпочтениях и взглядах проявляются со всей очевидностью и становятся труднопреодолимой преградой на пути выработки совместных проектов, действий и т.д.⁶⁰

Фрагментация гражданского общества и отсутствие взаимного доверия среди общественных организаций, стоящих на разных политических платформах, делает крайне сложным консолидацию потенциала в рамках гражданского общества, не позволяя ему выступить генератором социально-политического развития «снизу». Эти же факторы не дают возможность внешним силам получить желаемый результат от материальных и нематериальных инвестиций в развитие сферы гражданского общества и делают механизмы «мягкой силы» неэффективными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное исследование позволяет сделать несколько аналитически значимых выводов относительно механизмов взаимодействия государства и гражданского общества в Турции и актуальных тенденций его трансформации. Опыт развития турецкого гражданского активизма на протяжении большей части XX в. сформировал в этой стране достаточно устойчивые модели отношений гражданского общества и государства, многие из которых продолжили воспроизводиться и в условиях эрдогановской Турции. С одной стороны, исторический анализ свидетельствует о том, что Турция никогда не была страной, испытывавшей дефицит самых разнообразных форм гражданской самоорганизации. С другой стороны, за прошедший с кемалистской революции период турецкое

⁵⁹ Подробнее см.: Шлыков П. В. Гражданское общество в Турции: иллюзии и реальность // Вос-ток (Oriens). 2009. № 1. С. 109–122.

⁶⁰ Plagemann G. Human Rights Organizations: Defending the Particular or the Universal // Civil Society in the Grip of Nationalism. Istanbul, 2000. P. 471.

государство накопило богатейший опыт управления неправительственными организациями и движениями и переформатирования их деятельности в выгодном для правящей политической элиты ключе. Именно поэтому ставка руководства ЕС на поддержку НПО как инструментов форсированной демократизации Турции в период переговорного процесса о вступлении страны в ЕС, по сути, не дала ожидаемого результата.

При ощутимом количественном росте НПО большинство из них так и не стали агентами дальнейшей европеизации и политической модернизации Турции. Наоборот, в условиях поиска нового социально-политического баланса, укрепления власти ПСР и лично Реджепа Эрдогана, ограничения и впоследствии устранения из поля политического управления такого института, традиционно выступавшего за сохранение светского характера власти и турецкого государства, как армия, гражданское общество оказалось в активе именно правящего режима. В ситуации значительной финансовой и организационной поддержки со стороны государства в отношении НПО сохраняющаяся фрагментарность турецкого гражданского общества привела к усилению именно тех его элементов, которые были готовы взаимодействовать с политическим режимом и содействовать его укреплению, а механизмы внешнего воздействия на НПО, наоборот, оказались ограниченными или даже провальными.

Библиография / References

- Барановский В.Г., Наумкин В.В. и др. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. М., 2018.
- Baranovskii V.G., Naumkin V.V. et al. Blizhnij Vostok v menjajushhemsja global'nom kontekste [The Middle East in a changing global context]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Abdelrahman M.M. Civil Society Exposed: The Politics of NGOs in Egypt. London, 2004.
- Aknur M. Democratic Consolidation in Turkey: State, Political Parties, Civil Society, Civil-Military Relations, Socio-Economic Development, EU, Rise of Political Islam and Separatist Kurdish Nationalism. Boca Raton, 2012.
- Altan-Olcay Ö., İçduygu A. Mapping Civil Society in the Middle East: The Cases of Egypt, Lebanon and Turkey // British Journal of Middle Eastern Studies. 2012. Vol. 39. № 2. P. 157–179.
- Alvarez-Ossorio I. Civil Society and Political Change in Contemporary Egypt // The Arab Spring, Civil Society, and Innovative Activism. New York, 2017. P. 57–80.
- Baser B., Akgönül S., Öztürk A.E. “Academics for Peace” in Turkey: a case of criminalising dissent and critical thought via counterterrorism policy // Critical Studies on Terrorism. 2017. Vol. 10. № 2. P. 274–296.
- Bee C., Chrona S. Youth activists and occupygezi: patterns of social change in public policy and in civic and political activism in Turkey // Turkish Studies. 2017. Vol. 18. № 1. P. 157–181.
- Beller-Hann I., Hann C. Turkish Region: State, Market and Social Identities on the East Black Sea Coast. Oxford, 2001.
- Buttigieg J.A. The Contemporary Discourse on Civil Society: A Gramscian Critique // Boundary 2. 2005. Vol. 32. № 1. P. 33–52.
- Cavatorta F., Durac V. Civil Society and Democratization in the Arab World: The dynamics of Activism. Oxford, 2011.
- Diez T., Agnantopoulos A., Kaliber A. Turkey, Europeanization and Civil Society: Introduction // South European Society and Politics. 2005. Vol. 10. № 1. P. 1–15.
- Diner Ç., Toktaş Ş. Waves of Feminism in Turkey: Kemalist, Islamist and Kurdish Women's Movements in an Era of Globalization // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2010. Vol. 12. № 1. P. 41–57.
- Esim S., Cinoğlu D. Women's Organizations in 1990s Turkey: Predicaments and Prospects // Middle Eastern Studies. 1999. Vol. 35. № 1. P. 178–188.
- Hardt M. The Withering of Civil Society // Social Text. 1995. № 45. P. 27–44.
- Hawthorne A. Middle Eastern Democracy: Is Civil Society the Answer // Carnegie Papers: Middle East Series. 2004. Vol. 44. P. 3–24.
- Heurlin C. Governing Civil Society: The Political Logic of NGO–State Relations Under Dictatorship // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2010. Vol. 21. № 2. P. 220–239.
- Kalaycıoğlu E. Turkish Dynamics: Bridge Across Troubled Lands. New York, 2005.
- Kamrava M. The Middle East's Democracy Deficit in Comparative Perspective // Perspectives on Global Development and Technology. 2007. Vol. 6. P. 189–213.
- Kubba L. The Awakening of Civil Society // Journal of Democracy. 2000. Vol. 11. № 3. P. 85–86.

- Kubicek P.* Political Conditionality and European Union's Cultivation of Democracy in Turkey // Democratization. 2011. Vol. 18. № 4. P. 910–931.
- Kubicek P.* The Earthquake, the European Union and Political Reform in Turkey // Mediterranean Politics. 2002. Vol. 7. № 1. P. 1–18.
- Kubicek P.* The European Union and Grassroots Democratization in Turkey // Turkish Studies. 2005. Vol. 6. № 3. P. 361–377.
- Levitsky S., Way L.A.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War. New York, 2010.
- Norton A.R.* Civil Society in the Middle East. Leiden, 1994.
- Öktem K.* Turkey since 1989: Angry Nation. Nova Scotia, 2011.
- Plagemann G.* Human Rights Organizations: Defending the Particular or the Universal // Civil Society in the Grip of Nationalism. Istanbul, 2000. P. 433–471.
- Seckinelgin H.* Social policy and conflict: the Gezi Park–Taksim demonstrations and uses of social policy for reimagining Turkey // Third World Quarterly. 2016. Vol. 37. № 2. P. 264–280.
- Şen A.F., Şen Y.F.* Online environmental activism in Turkey: The case study of “The Right to Water” // Global Bioethics. 2016. Vol. 27. № 1. P. 1–21.
- Shlykov P.* Non-western model of civil society in the Middle Eastern context: Promises and discontents // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 19. № 2. P. 134–162.
- Shlykov P.* The Secularization and Desecularization Nexus in the Turkish Context: What is behind? // Politics and Religion Journal. 2019. Vol. 13. № 2. P. 199–236.
- White J.B.* Civic Culture and Islam in Urban Turkey // eds C. Hann, E. Dunn. Civil society: challenging western models. London, 1996. P. 143–144.
- Wiktorowicz Q.* Civil Society as Social Control: State Power in Jordan // Comparative Politics. 2000. Vol. 33. № 1. P. 43–61.
- Yabancı B.* Populism as the problem child of democracy: the AKP's enduring appeal and the use of meso-level actors // Southeast European and Black Sea Studies. 2016. Vol. 16. № 4. P. 591–617.
- Yabancı B.* Turkey's tamed civil society: Containment and appropriation under a competitive authoritarian regime // Journal of Civil Society. 2019. Vol. 15. № 4. P. 285–306.
- Yom S.* Civil Society and Democratization in the Arab World // Middle East Review of International Affairs. 2005. Vol. 9. № 4. P. 14–33.
- Zihnioğlu Ö.* European Union Civil Society Policy and Turkey: A Bridge Too Far? New York, 2013. P. 50–71.